

Г. В. Лейбниц

Лейбниц. Сочинения

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г11

Г11 **Г. В. Лейбниц**
Лейбниц. Сочинения: Том 3 / Г. В. Лейбниц – М.: Книга по Требованию, 2021. – 736 с.

ISBN 978-5-458-31873-0

Настоящее четырехтомное издание содержит собрание сочинений немецкого просветителя-энциклопедиста, философа-идеалиста, ученого и общественного деятеля Готфрида Вильгельма Лейбница (1646 — 1716). Теоретическая и практическая деятельность Лейбница-ученого исключительно разнообразна. Он один из творцов новейшей математики и математической логики, механики и физики, крупнейший правовед своей страны и эпохи, политик, богослов и историк. Лейбниц с увлечением работал над разрешением многих технических проблем, усиленно ратовал за нововведения в производстве. В философии Лейбница нашли свое обобщенное выражение многовековая философская традиция и достижения наук того времени. Лейбниц по праву считается основоположником диалектики Нового времени, открывшим одну из самых ярких страниц истории философии — эпоху классического немецкого идеализма конца XVIII - начала XIX в.

ISBN 978-5-458-31873-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛЕЙБНИЦ КАК ФИЛОСОФ НАУКИ

В третий том настоящего издания Сочинений Лейбница включены работы, посвященные вопросам теории познания, методологии, логики и общей теории науки. Этим вопросам Лейбниц уделял самое большое внимание в продолжение всей своей жизни, начиная с юных лет. Он любил вспоминать о том, что еще в детстве самостоятельно пришел к мысли о необходимости установить в человеческом познании строгий порядок, чтобы исключить из науки все ложное и сомнительное, а то, что в ней есть истинного, направить на улучшение человеческой жизни. Тогда он сделал для себя правилом в словах и других знаках «всегда искать ясности, а в делах пользы»¹ и не верить никаким авторитетам, пока не представлены доказательства, в доказательствах же не останавливаться до тех пор, пока не дойдешь до самоочевидных принципов. Руководствуясь такими правилами, Лейбниц неизбежно должен был обратиться к логике, а когда обратился, то сразу же увидел в ней ключ к преобразованию всего человеческого знания, и мысль о неисчерпаемых возможностях логики больше уже никогда его не оставляла.

В двадцать лет Лейбниц выпустил в свет первый плод своих логических штудий — диссертацию «*О комбинационном искусстве*», в которой выдвигалась идея новой логики — логики символической и математической, способной стать универсальной теорией научного мышления и общей теорией открытия. Около трехсот лет спустя Норбурт Винер скажет об этой диссертации, что она начинается собой эру кибернетики.

Но как бы высоко Лейбниц ни ставил логику, она все же никогда не была для него самоцелью: он видел в ней только прокрасное и, можно сказать, универсальное сред-

¹ Паст, том, с, 410,

ство науки — «органон» познания и открытия. Конечной же целью всех его трудов, как он сам говорил, служил триединый идеал «мудрости, добродетели и счастья», осуществление которого на практике он считал делом реальным, ибо глубоко верил в человеческий прогресс, в победу культуры над варварством.

Лейбниц был гуманистом в самом высоком смысле этого слова. Он по-настоящему любил человека и созданную им культуру. Но он любил их не как вдохновенный романтик, а как трезвый логик — не закрывая глаза на человеческие пороки и теневые аспекты культуры. Более того, Лейбница, знаменитый оптимизм которого столь язвительно и несправедливо высмеял не вполне понимавший его Вольтер, можно считать одним из самых основательных и тонких критиков современной ему культуры.

Критике негативных сторон интеллектуальной культуры своего времени, и прежде всего развенчанию еще имевшего в XVII в. значительное влияние схоластического догматизма, Лейбниц посвятил работу о Низолии, которая открывает публикации данного тома. Это одно из его ранних сочинений (1670). Оно представляет собой *предисловие* к изданному Лейбницем, по просьбе его тогдашнего покровителя мецената барона Бойнебурга, произведению гуманиста XVI столетия Мария Низолия, имевшему название *«Об истинных принципах и истинном методе философствования против псевдофилософов»*. Вступительный текст Лейбница и по содержанию, и по форме выходит далеко за рамки жанра обычного предисловия. В целом это вполне самостоятельный трактат, хотя в его композиции все же имеются некоторые странности, объяснимые его специальным назначением.

Читателю может, например, показаться странным, почему Лейбниц начинает свой трактат с длиннейшего и скучнейшего перечня разных изданий и имен, большинство из которых не только совершенно забыто в наше время, но и во времена Лейбница было мало известно. Зачем же понадобились ему эти утомительные перечисления? Зачем в последующем изложении он вновь и вновь применяет этот прием, то и дело обрушивая на читателя шквал своей эрудиции — длинные перечни известных и неизвестных имен философов, историков, юристов, математиков, естествоиспытателей, филологов и прочих подвижников царства науки и словесности? Не затем ли только, чтобы выставить свою образованность и выразить

свою причастность к общему делу ученых? Кто читал Лейбница, тот знает, что он никогда не упустил случая блеснуть эрудицией и вспомнить о своих заслугах. Но что касается предисловия к Низолию, дело здесь все-таки в другом. Дело в том, что издание Низолия служит Лейбницу поводом для того, чтобы впервые обстоятельно и публично высказать свое отношение к культурному наследию прошлого и к тем спорам вокруг него, которые будоражили умы его современников и ближайших предшественников. Для новой западноевропейской культуры, сформировавшейся в эпоху Возрождения и достигшей высокого расцвета в XVII в., в качестве собственного прошлого, с которым надо было свести счеты, в качестве «прошлого в настоящем», выступала схоластика. В большей и, несомненно, лучшей своей части эта культура была антисхоластической. Однако если на первых порах ренессансный гуманизм утверждал себя почти исключительно в противовес средневековой культурной традиции, полностью отрекаясь от своего недавнего прошлого и брезгливо отстраняясь от схоластики, а заодно и от ее крупнейшего авторитета — Аристотеля, то позднее, с началом контрреформации, а особенно в XVII в., наряду с этим радикально негативным подходом к средневековью, продолжавшим сохранять свое значение, складывается и другой, более трезвый, менее амбициозный, а потому и более историчный подход. В соответствии с этим новым подходом эпоха схоластики оценивалась хотя и критично, но более объективно и дифференцированно: она представлялась эпохой варварства, но варварства поневоле, сочетавшегося с искренним и нередко продуктивным стремлением к истине; в схоластике выявлялись различные направления, среди которых одно — номинализм — рассматривалось как важный источник философии Нового времени. Основой этого подхода были доброжелательность и уважение к традиции. Виднейшим его выразителем в XVII в. и был Лейбниц. Наоборот, издаваемый Лейбницем Низолий был одним из представителей прежнего, негативно-критического подхода. Будучи типичным ренессансным гуманистом, Низолий не видит в схоластической философии ничего, кроме варварских заблуждений и беспорядочной игры и слова, к тому же в слова, чаще всего бессмысленные или неправильно образованные. Схоластики (в число которых он включает и многих «школьных» философов своего времени) именуются им псевдофилософами, схоластиче-

ская логика (логика универсалий) — псевдонаукой, а язык — «философский слог» — схоластики оценивается как неграмотный, совершенно искусственный и оторванный от жизни. Всему этому Низолий противопоставляет «истинный метод философствования» (*vera ratio philosophandi*), основанный на чувственном опыте и пользующийся «естественным» человеческим языком, каковым пользовались когда-то Цицерон и другие римские классики.

С первых же страниц предисловия к трактату Низолия Лейбниц недвусмысленно выражает свою солидарность с духом ренессансного гуманизма вообще и с идеей гуманистической, жизнелюбивой философии в частности. Именно в духе гуманизма он отстаивает великое значение критических изданий ученых трудов прошлого и высоко оценивает благородную миссию издателей. Однако в упомянутом перечне предпринятых до него публикаций Лейбниц, приветствуя не прекращающееся издание античных авторов, особую заботу проявляет в отношении изданий авторов средневековых и новых. Он считает, например, большим достижением издание сочинений отцов церкви, сводов трудов средневековых юристов и историков, равно как и публикации сочинений всех сколько-нибудь выдающихся ученых Нового времени независимо от их национальности и даже вероисповедания. В общем для Лейбница культурное наследие прошлого является чем-то целостным и неделимым: для него нет пустых в культурном отношении пространств и времен, и в этом он историчнее и гуманистичнее своих предшественников — гуманистов Ренессанса. В данной работе Лейбниц выдвигает требования строгой объективности и конкретности исторических оценок. Разделяя мнение гуманистов о том, что засилье авторитета Аристотеля долгое время служило тормозом развития философии, с удовлетворением и не без иронии констатируя, что благодаря прогрессу просвещения сейчас «признано хотя бы уж то, что Аристотель может ошибаться»², Лейбниц совсем не склонен недооценивать Аристотеля и ставить его в один ряд со схоластиками. Он видит главную ошибку Низолия как раз в том, что тот в своем трактате приписал Аристотелю грехи схоластиков. На самом деле Аристотель «не виновен во всех тех нелепостях, которыми запятнали себя с ног до головы схоластики. Каковы бы ни были его ошибки, они все же

² Наст. том, с. 63,

таковы, что легко отличить случайное заблуждение великого человека, живущего в светлом мире реальности, от умопомрачительного вранья какого-нибудь невежественного затворника»³. Этот серьезный, исторический взгляд на Аристотеля выгодно отличает Лейбница, например, от Бэкона, не говоря уже о более ранних гуманистах. Но Лейбниц заступает и за схоластиков, указывая на то, что в большинстве их ошибок повинны не они сами, а их трудная, варварская эпоха. Ведь тогдашние исторические обстоятельства были таковы, что «нужно скорее считать чудом, что хоть что-то было сделано в науке и в истинной философии»⁴.

Интересно отметить, что Лейбниц остается верным историзму в оценке не только прошлого, но и настоящего. Средневековая схоластика была для своего времени явлением закономерным, а отдельные схоластики были даже выдающимися мыслителями. Но, по мнению Лейбница, совершенно бесперспективно и анахронично сохранение и культивирование схоластических методов в эпоху новой науки, когда возможности, средства и цели научных исследований стали совсем иными. Отнюдь не старинная схоластика сама по себе служит главным препятствием для прогресса знаний — в качестве такого препятствия выступают те, «кто и теперь, когда существует хлеб, предпочитает питаться желудями»⁵, — современные эпигоны схоластики, заполонившие европейские университеты. Оставаясь слепыми к свету новейших открытий и во всем уступая своим средневековым учителям, они тащат науку назад, на путь отвлеченных умозрений и терминологических споров. Кого имеет здесь в виду Лейбниц? Скорее всего, адептов «второй схоластики» — последователей Франциска Суареса, кроме того, томистов, скотистов, рамистов и всех тех — как бы они ни относились к средневековым авторитетам, — кто продолжал и в XVII в. отдаваться в основном словесной и отвлеченной мудрости. Многочисленность и влияние этих «ретроградов», объясняющие на первый взгляд странную заостренность и злободневность критики схоластики всеми великими философами XVII в. — от Бэкона до Лейбница (ведь эпоха средневековой схоластики все-таки была удалена от

³ Наст. том, с. 86.

⁴ Наст. том, с. 88.

⁵ Там же.

XVII в. уже на три столетия), и послужили основной причиной лейбнищевского издания Низолия.

Главный вопрос «Предисловия» — каким должен быть истинный метод и стиль философствования, т. е. тот вопрос, которому и была посвящена работа Низолия. Подходя к этому вопросу как аналитик, Лейбниц сначала устанавливает основные достоинства речи как таковой. Признаками всякой хорошей речи он считает «ясность», «истинность» и «изящество». Ясность, которая у Лейбница совпадает с интеллигибельностью, понятностью значения, в сочетании с истинностью, т. е. «чувственной восприимчивостью» того, о чем говорится, составляет «достоверность» речи. Эта последняя и является критерием правильной речи, особенно же речи философской — «философского слога».

Далее Лейбниц углубляется в чрезвычайно тонкие рассуждения о том, чем же создается искомая достоверность речи, и здесь он обнаруживает такую осведомленность в вопросах структурной лингвистики, какая сделала бы честь даже языковедам XX в. Между прочим, он дает здесь вполне точные и эффективные определения таким лингвистическим понятиям, как «значение», «вокабула», «первоначальное значение», «узус» и «деривация», «тропологическое значение», «формальное значение», «дефиниция» и т. п. Но самое интересное в этой части — выделение Лейбницем проблемы естественного и искусственного языка, или, как он сам говорит, проблемы общепотребительных и «технических» терминов (*termini technici*). Предостерегая против неумеренного увлечения «техническими» терминами, т. е. такими, которые предназначаются только для «экспертов», Лейбниц имеет в виду прежде всего, конечно, печально известное словотворчество схоластиков — все эти «чтойности», «этовости» и тому подобное, о чем он не может говорить без сарказма. Вместе с тем в этом увлечении специальной терминологией он видит неискоренимое свойство касты ученых вообще (и здесь он безусловно прав), а поэтому предлагает при образовании искусственных, «технических» слов, без которых, к сожалению, не может обойтись ни одна наука, хотя бы соблюдать естественные правила деривации и всегда давать определения специальных терминов и неологизмов в словах обычного естественного языка. В ходе этого рассуждения Лейбниц делает одно существенное и в то время очень нужное обобщение: «не существует вещей,

которые не могут быть выражены в общепотребительных терминах»⁶. И в первую очередь он относит это к философии: «все, что не может быть выражено в общепотребительных терминах... не существует и должно быть торжественно отлучено от философии»⁷. Прекрасная мысль! Ведь если термины никаким способом не могут быть сведены к общепонятным, то они не могут быть и разъяснены другим (равно как и самому себе), ибо всякое разъяснение есть сведение непонятого к понятному, а те термины, которые нельзя разъяснить, не означают ничего определенного и чаще всего вообще ничего не означают. Эта мысль хорошо иллюстрируется опытом: когда изощреннейшим диалектикам-схоластикам «по новому остроумному обычаю» предлагают четко объяснить употребляемые ими латинские термины, они, как правило, приходят в полное замешательство и ничего не могут сказать, а если и говорят, то становятся всеобщим посмешищем. В связи с этим Лейбниц справедливо отмечает, что использование мертвого латинского языка для выражения живой, практически ориентированной современной философии вообще неоправданно, и предлагает перейти на живые национальные языки, подчеркивая при этом большие потенциальные возможности языков германских. Закljučая этот раздел, Лейбниц формулирует основное, с его точки зрения, правило философского и всякого научного стиля: «максимальная краткость общепотребительного или максимальная употребительность краткого термина»⁸. Другими словами, важнейшим требованием научного стиля должны быть максимальная компактность и точность выражения в сочетании с максимальной ясностью, т. е. понятностью. Таким образом, уже в этой юношеской работе Лейбница легко обнаружить свойственную ему установку на оптимальность, на принцип наилучшего, который в дальнейшем станет основным конструктивным принципом всей его философской системы.

Говоря далее о двух возможных методах изложения философии — «экзотерическом», или популярном, и «акро-матическом», или строго научном, Лейбниц опять-таки концентрирует внимание на проблеме их оптимального применения. В менее строгом и более многословном экзо-

⁶ Наст. том, с. 73.

⁷ Наст. том, с. 71.

⁸ Наст. том, с. 73.

терическом методе «не следует слишком роскошествовать», дабы не повредить ясности; в точном акроаматическом методе нельзя ничего оставлять недоказанным, нельзя ни одного слова употреблять без определения, хотя и здесь допустимы в разумных пределах и без ущерба для точности метафоры, отступления, шутки, дабы не сделать стиль научного трактата слишком сухим. Необычно и даже на первый взгляд парадоксально звучит заявление Лейбница о том, что в строгом (акроаматическом) философствовании следует пользоваться только конкретными терминами, а в популярном (экзотерическом) допустимы и желательны термины абстрактные. В этом утверждении особенно сказывается зависимость молодого Лейбница от номиналистической методологии Гоббса, от которой потом у него не останется и следа. Впрочем, выраженное здесь Лейбницем отношение к схоластическим абстракциям, нередко бессмысленным и бесполезным, останется в силе и в поздний период. Навсегда сохранит Лейбниц и верность принципу не вводить абстрактного там, где можно обойтись конкретным. То же самое можно сказать и об отношении его к тропам, в злоупотреблении которыми он упрекает здесь схоластиков: в своих позднейших сочинениях Лейбниц всегда, когда это возможно, высказывается в прямом смысле и избегает переносных выражений и фигур, что делает язык этих сочинений особенно ясным, прозрачным и убедительным. Ясность языка должна быть первой заботой философа. Поэтому одним из главных дефектов схоластической литературы Лейбниц считает нарочитую затемненность, интригующую загадочность языка. Ведь темная речь, пишет он в «Предисловии», «быть может, и подобает какому-нибудь пророку, или Дельфийскому оракулу, или даже теологу-мистику, или поэту «энигматического» стиля, но для философа ничто не может быть более чуждым...»⁹.

Пространно рассуждая о подобающем философу стиле речи, Лейбниц, как всегда, затрагивает и проблемы более общего характера, в частности проблему соотношения «грамматики» и логики, языка и мышления. Его трактовка этой проблемы лишней раз свидетельствует о том, что в лице двадцатичетырехлетнего Лейбница мы уже имеем мыслителя вполне зрелого и весьма пронизательного. Понимая, что язык и мышление находятся в нера-

⁹ Наст. том, с. 79,

сторжимом единстве и что «всякий мыслительный и волевой акт так тесно сплетен со словами, что вообще едва ли возможен без слов, хотя бы и употребленных молча»¹⁰, Лейбниц (следуя в этом за Петром Рамусом) считает, что у науки логики двуединая задача — исследование «и правил мышления, и стиля речи, пригодного для передачи мысли»¹¹. Жаль, конечно, что эта идея Лейбница о создании логики естественного философского стиля до сих пор остается нереализованной.

Закончив свой экскурс в область стилистики, Лейбниц воздает хвалу Низолию — первому, кто не на словах, а на деле попытался «вырвать с корнем весь этот словесный чертополох с поля философии»¹² и указать путь к естественному и истинно философскому стилю речи. Правда, уточняет Лейбниц, работа Низолия по очищению философии коснулась не всех ее разделов, а только логики. В подобной же чистке все еще нуждаются метафизика, физика, политическая и правовая философия. Но, оценивая то, что уже было сделано и делалось в этом направлении, оценивая те многочисленные труды по усовершенствованию стиля и самой философии, о которых говорится на последующих страницах «Предисловия», Лейбниц выражает надежду на скорый успех всего дела. В довершение он обещает когда-нибудь, если ему позволит время, внести в дело реформирования философии и свою лепту. В какой мере Лейбниц выполнил свое обещание? Никто в XVII в. не писал о труднейших метафизических, логических, математических, физических, этических предметах яснее и убедительнее, чем он. Никто не мог соперничать с ним в искусстве обнаруживать слабые и сильные стороны своих идейных предшественников и противников; в особенности это относится к качеству определений и доказательств. Вспомним хотя бы его критику Декарта, Мальбранша, Локка. Никто не сравнился с ним по универсальности и глубине реформаторских идей, во многом преобразовавших логику и математику, динамику и психологию, языковедение, историографию и юриспруденцию. Лейбниц не сделал всего, чего хотел, но он сделал даже больше, чем обещал.

Последний раздел «Предисловия» посвящен разбору ошибок и заблуждений Низолия. Об одной из главных

¹⁰ Наст. том, с. 80.

¹¹ Наст. том, с. 81.

¹² Там же.

ошибок мы уже упоминали. Она состоит в неправильном, слишком негативном и неуважительном отношении к философской традиции вообще и к Аристотелю и схоластикам в частности. Что касается Аристотеля, Лейбниц снимает с него большинство обвинений «новаторов», доказывая ссылками на новейшие критические исследования его философии, что эти обвинения относятся не столько к подлинному Аристотелю, сколько к Аристотелю, каким его представляли себе схоластики. Подлинный Аристотель не только тоньше и глубже Аристотеля схоластического, но и в большинстве случаев не противоречит духу новой, «научной» философии, а некоторыми своими идеями даже предвосхищает ее. Это свое мнение, весьма экстравагантное для конца XVII в., Лейбниц специально обосновывает в прилагаемом к «Предисловию» письме к Якову Томазию, написанном в 1669 г. (оно опубликовано в первом томе нашего издания). Заметим, что примирить современных философов с Аристотелем было сознательным намерением Лейбница в продолжение всей его жизни. Скажем больше: целью Лейбница было примирить всех великих людей прошлого и настоящего, примирить культуры, религии и народы, и вообще одной из его главнейших руководящих идей была идея мира и союза, или же — еще точнее — мира во имя союза людей и единения всех элементов рассеянной во времени и пространстве человеческой духовности.

Выражая свое несогласие с неразборчивым осуждением средневековой схоластики, Лейбниц напоминает Низолию о школе номиналистов, которая, по словам автора «Предисловия», есть «самая глубокая из всех схоластических школ и по своему методу ближе всех стоящая к современной реформированной философии»¹³. Номиналисты раньше всех начали борьбу за очищение философии от терминологического сора и произвольных измышлений, и в этом сам Низолий должен был бы считать себя их прямым наследником. Особенно значительным было правило номиналистов «не умножать сущности без необходимости» («бритва Оккама»). Лейбниц в своем духе преобразует его в принцип оптимальности: «Гипотеза тем лучше, чем проще»¹⁴, и тут же дает ему обычное для его позднейших работ телеологическое обоснование: богу и

¹³ Паст. том, с. 89.

¹⁴ Паст. том, с. 90.